

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

НОЭТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЧЕЛОВЕКА КАК ПЕРСПЕКТИВА АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

В.И. Кабрин (Томск)

Аннотация. Рассматривается проблема самоопределения в профессиональной психологии. Предлагается развитие нередуктивной психологии на основе понятий ноэтической коммуникации, метанойи, ценностно-коммуникативного мира, постметодологической схемы исследований и практик.

Ключевые слова: ноэтическая коммуникация, метанойя, ценностно-коммуникативный мир, постметодология.

До сих пор в профессиональной психологии (академической и практической) слабо рефлексирована иллюзорная дихотомия естественно-научного и гуманитарного знания, в частности «объяснительной» и «описательной» психологии, количественного и качественного анализа душевных явлений. Отсутствие целостного холистического подхода к психологической проблематике усугубляется сохранением медицинского и обывательского предрассудка: несчастную Психею до сих пор считают состоящей из *механизмов*, да еще таинственно замурованной в первом позвонке скелета человека. Научная общественность удивительно благосклонно принимает эту фантастическую гипотезу как постулат, не требуя вещественных доказательств. Даже нерелевантные, но наукообразные методы психологии выглядят внушительнее, чем реальный диалог с реальной непредсказуемой и капризной Психеей. Но именно рефлексия и анализ такого общения приведут к качественно новому проекту эффективной профессиональной психологии. Для этого сначала надо избавиться от основных методологических иллюзий.

Преодоление общенаучной иллюзии. В самой реальности не существует искусственных границ и бессмысленного разрыва естественного и гуманитарного научного знания. Оно едино по своей природе: научная ясность (выяснение и объяснение и т.п.) в любой сфере знания открывается в элементарном и универсальном процессе *идентификации*, или, точнее, *измерении подобного подобным*. В психологии релевантным данному общенаучному принципу является человеческая коммуникация (душевное проявление человека может быть соразмерно или подобно только душевному проявлению другого человека через интуицию, эмпатию, децентрацию, смысловую репрезентацию в процессе их межличностной коммуникации). По сути, это ведет к созданию общей коммуникативной парадигмы профессиональной психологии.

Преодоление традиционной психологической иллюзии. До сих пор источнику душевной жизни безосновательно приписывается *телесное* начало (нейрон-

ное, мозговое, энцефалопатическое и т.п.), несмотря на многократные предостережения признанных западных классиков (не говоря уже о восточных) о существенном и потенциальном несовпадении размерностей и масштабов физического и собственно *психического – времени, пространства, информации, энергии*. Лишь практическая рефлексивная коммуникация позволит постигнуть реальную безграничность душевных трансформаций (временных, пространственных, информационных, энергетических) в целостном психологическом мире и потенциале человека. Поэтому профессиональная психологическая коммуникация становится центральным методом работы с психологическим потенциалом человека.

Когда говорят о взаимодействии экспериментатора и испытуемого, интервьюера и респондента, на самом деле во всех случаях общаются *психолог с «психологом»*. Если быть более точным, то в любой исследовательской экспериментальной практической ситуации профессиональный психолог общается с житейским психологом. Хорошо, если это происходит в едином культуральном метакоммуникативном контексте. Хотя чаще культурно-профессиональные контексты партнеров бывают качественно различны, а как показано в наших предыдущих работах, полноценное общение здесь может базироваться только на транскомуникативных процессах [5, 8]. В то же время очень редко можно встретить комплексный многомерный контроль за коммуникативными переменными в лабораторном, полевом и формирующем экспериментах. Если научиться работать с основными переменными и аспектами исследовательских и тренинговых коммуникативных ситуаций, то можно увидеть перспективу развития коммуникативной методологии в психологической науке [12]. Но этот высокий уровень может быть реализован (если будет реализован) в общении только самих профессиональных психологов.

Сформированные в середине прошлого столетия психолого-антропологические подходы уже требуют полноценного межпрофессионального диалога [10, 11, 14]. Соб-

ственно антропологическая психология как одно из последних направлений гуманитарной науки с неизбежностью требует более развернутых представлений о человеческой метакоммуникации, транскомуникации и ноэтической коммуникации в соответствии с ориентацией на высшие трансцендентные ценности человека [9, 18, 20, 21]. Следовательно, где физики говорят о взаимодействии, а инженеры о механизмах, психологи обязаны не «механически» заимствовать эти конструкты, а углубиться в практику смыслотворческого общения, превращая его в практический инструмент раскрытия и актуализации психологического потенциала человека в различных профессиональных и жизненных контекстах.

Тогда сама собой отпадает необходимость в еще одной искусственной дихотомии – разделении методологии, теории и практики. Методология вне практического контекста – фикция, так же как практика без методологии (излюбленный миф «интуитивных» практических психологов). Естественная душевная гармония содержится в первородном коммуникативном акте рождения самого человека. Поэтому транскомуникабельная «душа-Психея» ищет и иногда находит *гармонию соответствия* духовного, душевного и телесного миров трансцендирующего человека. Универсальная задача профессионального психолога – эффективная поддержка в осуществлении этой гармонии, т.е. в развитии транскомуникабельности психологического потенциала.

Именно в рамках такого подхода обнаруживается достаточно полноценное пространство деятельности профессионального психолога по раскрытию психологического потенциала человека в любых жизненных и профессиональных контекстах. В такой ситуации исчезает неизбежность работы психолога на «чужих профессиональных территориях».

На самом деле у нас уже есть все методологические и даже постметодологические основания осмыслить все основные и наиболее тонкие грани душевной жизни человека, если мы поймем метакоммуникативный и ноэтический планы его существования. Речь идет о глобальном холистическом *духовном* плане существования человека, где его жизненный мир открыто граничит с сокровенным трансцендентным *таинственным*. Видимо, человеческий страх перед этим *сверхъестественным* настолько естествен, что сами профессиональные психологи очень неохотно берутся всерьез разрабатывать эту сферу.

В то же время мы имеем примеры эффективной холистической, трансперсональной, ноэтической психотерапии, существующей в будто бы непересекающихся мирах. Если последовательно применить метакоммуникативную парадигму, можно получить достаточно целостную и динамичную картину всех граней духовно-душевной жизни человека, которую

стоило бы использовать в работе с психологическим потенциалом в разных социокультурных контекстах, оставаясь на суверенной профессиональной территории. Действительно, если под метакоммуникацией принято понимать единое пространство диалога, то высшей ее формой будет диалог с Высшим существом, с которым издревле в культурах связывают высшие духовные ценности – *добро, истину, красоту, тайну*. Специфика этих ценностей в том, что они содержат осязаемый трансцендентный фактор. Метакоммуникацию именно этого уровня можно назвать собственно *ноэтической*. Этот тип коммуникации реализуется, возможно, в самом мощном человеческом духовном движении – *метанойе* [2]. Такое пиковое переживание проявляется обычно в единстве таких граней, как *интуиция, вдохновение, воодушевление, откровение, покаяние, прощение, просветление, благодать*. Креативный заряд такого спектра состояний имеет для человека стратегический долговременный эффект, прочувствованный «каждой клеточкой тела». Холистичность такой духовной жизни переживается здесь вполне естественно.

В свое время мы выделили основные транскомуникативные лучи этого сложного переживания – катарсис, импринтинг, экстаз, инсайт [5, 6]. Имея в виду мгновенность этого процесса (он выглядит как красивый аттрактор или цветок лотоса), его можно назвать *микроноззисом*. Если предполагать также, что одна из центральных характеристик духовного мира – близость или единство мгновенного и вечного, рассмотренное выше состояние метанойи охватывает, по сути, то, что можно назвать *макроноззисом*. Смысл макроноззиса, определяющего смысл жизни человека в целом, задается переживаниями метанойи, которая также может быть конкретизирована с точки зрения вызревания ее стадий, уровней, векторов. В этом контексте проще всего выделяются четыре возрастные стадии:

- *протоноя* – колыбель духа, в которой рождается ребенок, называемая обычно одаренностью;
- *ортоноя* – формирующаяся в процессе жизни традиционная нормативная структура разума (основание разумной жизни);
- *параноя* – интуитивно радостно или мучительно переживаемое призвание, ведущее за границы традиций, норм, стереотипов, открывающее смысл свободы;
- *метаноя* – открываемое высшее предназначение; сопровождается ранее рассмотренными переживаниями и представляет собой главную метаморфозу жизни [5].

Представленные здесь векторы, или лучи, макроноззиса достаточно легко осмысливаются и диагностируются в биографическом анализе как основные вехи или стадии жизни. С ними также ассоциируют-

ся известные концепции возрастной психологии (Э. Эриксон и др.) и соответствующая динамика развития основных душевных процессов и психической организации в целом [3].

Однако здесь хочется подчеркнуть два принципиальных момента. Во-первых, не случайно здесь говорится не просто о стадиях, а о лучах-векторах. С точки зрения холистического подхода целостность духовно-душевной жизни человека существует в их одновременном единстве, т.е. протоной изначально «чревата» метанойей. Прохождение человека через паранойю или достижение метанойи не лишает его протоной (то, что в жизни называется «не душишь в себе ребенка»). Следовательно, можно говорить лишь о динамике смены доминант во всех лучах одновременно (опять всплывает аналогия с хорошим аттрактором, гештальтом, лотосом).

Во-вторых, если мы говорим о фазовом, уровне духовном развитии человека, то траектория его развития в удачном случае должна выглядеть скорее как экспонента. При естественном возрастном увядании организма (низших психических функций) может продолжаться интенсифицироваться духовный рост человека. Это соответствует, в частности, концепции Б.Г. Ананьева о двух контурах регулирования развития человека в онтогенезе – вертикальном и горизонтальном. Под вертикальным контуром регулирования имеется в виду система спинного мозга, управляющая иерархией простейших сенсомоторных функций. Горизонтальный, или билатеральный, контур регулирования развивается на основе формирования межполушарных связей коры головного мозга в связи с развитием высших психических функций. В рамках этой концепции оказывается, что в то время как низшие психические функции по вертикальному контуру регулирования регрессируют уже в достаточно молодом возрасте, высшие психические функции, развиваясь на основе межполушарного взаимодействия, могут развиваться интенсивно довольно долго, все более компенсируя регресс по вертикальному контуру.

Следовательно, в рамках этой концепции на психофизиологическом уровне сделана попытка понять общее психологическое развитие человека как постоянно возрастающее за счет вышеуказанных трансформаций соотношения разных контуров регулирования [1]. Близкие идеи высказаны Ч. Пирсом [15]. Знаменательно, что и Б.Г. Ананьев и Ч. Пирс подтверждают эти гипотезы своей жизнью.

Здесь не ставится задача подробного развертывания рассмотренных моделей микро- и макронозиса, охватывающих основные нюансы человеческой жизни. Следует лишь подчеркнуть, что представленные процессы микро- и макронозиса синхронистичны и существуют один через другой. Это позволяет

говорить о целостности и возможной полноте жизни человека в каждый данный момент.

Чтобы перейти от общих представлений о нозитической природе душевной жизни человека к соответствующей обновленной парадигме ее исследований, уместно освободиться от известного «психофизиологического мифа» происхождения души, долго утверждавшегося традиционной психологией.

Психофизиологический миф нескольких столетий о том, что именно мозг рождает образы, мысли, чувства, как печень выделяет желчь, постепенно превратившись в аксиому «материалистической психологии», так и не смог претерпеть ни одну верификацию. Король оказался голым. «Внутри нас» ни в одном органе тела нет никаких образов, мыслей, чувств. Но душевная реальность существует. Тогда как же существует эта реальность? Вот здесь мы и возвращаемся к нозитическому лучу древней мудрости. Истина или что-то близкое к ней – всегда проста. Если мы понимаем, что бесполезно искать наш тонкий мир в наших внутренностях, то почему бы по древнему обычаю не попробовать наоборот? Не образы, эйдосы... внутри нас, а мы внутри эйдосов. Нужна порция скромности, чтобы признать (после хронической мегаломании), что мы не самая совершенная реальность Вселенной; что вокруг нас незримые тонкие оболочки эйдетических сфер. Правда, то, в каких образах мы будем пребывать, зависит от нашего состояния, «настроения души» и т. д. Синхронистичность тонких миров поддерживается симпатией, тропностью, резонансом. Древнейшая профессия актера – быть в образе. Кстати, эту «тонкую мысль» постоянно пытаются донести дети взрослым, сопротивляясь их «правильности». Эйдетическая природа душевной жизни человека, так ярко заявляя себя в искусстве, сновидениях, аутогенной тренировке, медитации, воображении, удивительно трудно ассимилируется академической психологией. Может быть, все дело в дисциплинированном отношении к «узаконенным» методологическим принципам?

В таком контексте можно поставить вопрос и о *постметодологии*. Это понятие может характеризовать новое знание, которое было обозначено как трансперсональное, нозитическое, трансцендентальное, явно ориентированное на преодоление традиционных форм редукционизма, считавшихся неизбежными для науки. В этом плане можно предположить, что феномен транскоммуникации, применительно к психологическому научному исследованию, можно обозначить как *транскоммуникативный подход в русле постметодологии*. Стоит уточнить, что сама проблема постметодологии связана с поиском преодоления неизбежного редукционизма любых методологий, традиционно реализующихся в методах, призванных поддерживать иллюзию объектива-

ции. В результате укореняется схема традиционной методологии, которая выглядит незыблемой: методология – метод – отражение – объективация.

Вспомним простое забытое: физика оказалась в авангарде наук, научившись «мерить подобное подобным». А психологии пришлось искать изощренное решение такой задачи на основе теорий изоморфизма, чтобы придумать наукообразное *моделирование* психических процессов [4]. Конечно, лучше работать с тестами не просто как с процедурами или технологиями, но как с *моделями* «черного ящика» – души. Это кибернетическая версия.

Однако столь опосредованный маневр «действия в обход» не снимает проблему *аутентичности* и *релевантности* получаемой информации. «Подобное – подобным!» – возвращается к нам сейчас уже как научный укор. Что может быть «подобным» измерителем души? Очевидно, душа другого человека или своя собственная. Как это возможно? Загадочная способность души понимать самую себя и душу другого – это для нас ценнейшая зацепка. Традиционно это давно формулировалось как «рефлексия» и «децентрация». До сих пор научное проникновение в эти процессы было слабым. Посмотрим на это сквозь призму транскommunikативного подхода. Общась, мы действительно выходим за пределы себя, т.е. *транскоммуницируем*, но происходит это эйдетически, ментально, ноэтически. При этом коммуникация и тем более транскоммуникация – это общение душ. Только преодоление конвенциональных трафаретов, в которых закована традиционная коммуникация, приводит нас к более аутентичной экзистенциальной коммуникации и далее – к *транскоммуникации*, которая уже открыта «трансперсональной реальности» [25].

В предыдущих работах мы описали иллюзорность конвенциональной коммуникации, порождающей у человека множество психологических проблем [7].

Здоровье и личностный рост фактически являются результатами транскоммуникабельности тела – души – духа. Повторимся, транскоммуникация – это выход за любые трафареты, нормы, схемы, парадигмы. Выходит, чтобы избавиться от фатальной редукции, необходимо выйти за рамки метода и методологии, снабжающих нас спасительными процедурами и определенными схемами интерпретаций. Получается, что если я описываю свой уникальный опыт (импринтинг) своим вербально-невербальным языком другому или себе, я решаюсь на *наименьшую редукцию*. В этом смысле транскоммуникация дает нам *непредвзятый уникальный опыт друг о друге и нечто уникальное третье* – наше общее как результат *взаимного преодоления барьеров*.

Таким образом, мы делаем первые шаги в постметодологию, где сталкиваемся с кардинальным вопросом – как сохранить для *интегральной психологии*

нередуктивный опыт, появляющийся в транскоммуникации [19]. Прежде всего, стоит избавиться от комплекса неполноценности относительно обязательно объективации. Понять или смириться с тем, что «субъективная реальность» может как-то «отражаться» только в «субъективной реальности». А это опять же возможно только в транскommunikативном процессе. Поскольку в отличие от обычной коммуникации, где укрепляются конвенции, нормы, стереотипы, транскоммуникация явно тяготеет к *метафорам*, содержащим переносный смысл, т.е. по-сути *транс-смысл*. Часто именно по метафорам и юмору в живом общении можно уловить моменты перехода в транскommunikативные состояния. Отсюда вытекает переосмысление известного факта, акцентированного в свое время Г. Олпортом, что художественная литература пока лучше описывает живую психологию живого человека, чем научная психология. Эстетика транскоммуникации, в частности психолога и клиента, могла бы стать нередуктивным материалом психологических описаний. Что-то близкое можно наблюдать в свободных описаниях «психологических историй» и И. Ялома [22–24].

При этом остается и *проблема сохранения научности на постметодологическом уровне*. Конечно, соблазнительно с точки зрения простых критериев наукообразия свести душу к «психике», а последнюю к поведению. Что касается естественных наук, прогресс здесь очевиден. Например, если в конце XIX в. мозг ассоциировался с телефонным коммутатором, в XX – с компьютером, то в XXI микробиологи допускают сравнение с микрокомпьютером *отдельного нейрона*. Тогда какое же «Интернет-пространство» могут образовывать миллиарды нейронов с триллионами их потенциальных связей? Таким образом, древняя метафора – человек как микрокосм подобен космосу, уже подтверждается физиологически. Но это только физиологический уровень. С точки зрения холистического ноэтического подхода тело – это «конденсат» и «проводник» более тонких духовных N-мерных свойств универсума, которыми во многом потенциально обладает душа. Однако человек, развивая свое *личностное измерение* и Я-концепцию, не часто осознает безграничность или свободу душевного процесса в отношении основных физических ограничений, на которые неизбежно обречено его тело. Здесь обнаруживаются кардинальные *различия между физической и психической энергиями, информацией, пространствами и временами*.

Трансцендентальный характер этих аспектов душевной жизни, начиная с древних мудрецов, с какой-то неотвратимой регулярностью отмечается мыслителями всех эпох, вплоть до современной трансперсональной психологии. Однако простую емкую систему их анализа мне обнаружить не удалось. В своих последних работах я попытался свес-

ти их в единую схему на основе теории транскомуникации [5]. Сделаем некоторую конкретизацию, важную для данного раздела.

Так, по *нисходящему лучу* транскомуникации (катарсис) психическая энергия обнаруживает свою *первичность*, или предшествование физической, телесно-энергетической динамике (идеомоторный акт, аутотренинг и др.).

По *импрессивному лучу* транскомуникации (импринтинг) обнаруживается латентность, сокровенность, *недостигаемость* душевной информации по сравнению с информацией физической [4, 17]. Не только студентам, но и профессионалам трудно принять простой «коан»: где находится образ, мысль, чувство и т.п.? – нигде не находится! (в системе координат – измерений физического универсума).

По *экспрессивному лучу* транскомуникации (экстаз) обнаруживается безразмерность или *сверхразмерность* психологического пространства (мотивационного, воображаемого, мысленного...) в отличие от пространства физического.

По *восходящему лучу* транскомуникации (инсайт) обнаруживается собственно *трансцендентность* психологического времени (взаимной трансформации прошлого, настоящего, будущего и чувство вечности) по сравнению с «измеряемым» физическим временем.

Для получения опытного знания об этих особых психологических степенях свободы мною был разработан специальный *ноэтический практикум*, основанный на трансовых состояниях [5]. Транс – это сквозное базисное корневое свойство души (об этом догадывался З. Фрейд, имея в виду первичное «океаническое чувство» младенца). Однако до сих пор понятие транса не прописано даже хрестоматийно не только в отечественных словарях, но и в относительно новой психологической энциклопедии [16]. В лучшем случае приводится слишком узкая его интерпретация в рамках практики гипноза. (Зато вместо универсального психологического феномена транса во всех психологических словарях присутствует важный «психологический» термин – транквилизатор.) Поэтому радикальную психику ребенка (какая она у самого ребенка) мы до сих пор понимаем слишком по-взрослому, эгоцентрично и поверхностно.

Получается, что методологически ориентированная психология, с трудом проникая в базовые психические процессы (транс), испытывает серьезные затруднения, избегает исследований и наиболее сложных свойств *духовной психологии просветленного человека*. Это я и рассматриваю как прямое следствие «методологизма», заимствованного психологией у слишком «иных» наук. Вот почему, например, ноэтический практикум, в котором участники обнаруживают свойства души, совершенно не соответствующие принято-

му в науке детерминизму, я рассматриваю в качестве *постметодологической практики*. Ибо мне неизвестны другие науки (кроме психологии и теологии), где бы трансцендентальный фактор оказывался более значимым, чем другие. Поразительно, как этот факт чаще всего игнорируется основными психологическими школами, кроме трансперсональной.

Постметодология, сохраняющая научность, – это так или иначе достижение ясности. Иначе оккультизм. Этот критерий, по сути, объединяет все более конкретные требования верификаций классической, неклассической и постнеклассической науки. В постметодологии можно увидеть даже возвращение к зерну научности – подобное познавать подобным. В сфере психологии это реализуется в очень простом, вроде бы давно известном принципе симпатии, тропности, т.е. сознание релевантно познается сознанием; душа – душой; переживание – переживанием (эмпатия).

Таким образом, основные транскомуникативные лучи, проявляющиеся в «пиковых переживаниях», обнаруживают универсальное стратегическое значение для нередуктивного понимания душевной жизни в целом (между зачатием и смертью) [13]. На этом макроуровне им соответствуют *ноэтические сезоны душевной жизни* (от протоноии к метаноии). Такая *схема* (не модель, не структура и т.п.) сезонов жизни человека, в отличие от традиционных моделей «взлета – падения», выглядит как экспоненциальная функция духовного роста, который может набирать скорость вплоть до конца жизни человека. Эта схема уже внутри себя содержит *ориентацию на нередуктивность духовного становления человека* и в этом смысле может стать основой развития соответственно нередуктивных подходов постметодологического плана, в качестве одного из которых я рассмотрел транскомуникативный подход.

В контексте этого подхода постметодологическая схема исследования выглядит так:

- интуитивное понимание предмета исследования (душевного в ином измерении) на основе синтеза вербально-невербальных и понятийно-метафорических средств в более широком семиозисе;
- непосредственная релевантность теории предмету исследования (аутентичная синтонность теории и предмета);
- создание транскомуникативной ситуации, непосредственно релевантной теории и предмету;
- инициирование транскомуникативного процесса, соответствующего ситуации, теории и предмету.

Предполагается, что реализация этой схемы может привести к получению нередуктивного релевантного аутентичного психологического знания.

Такая постметодологическая схема может быть естественно конкретизирована в критериальную модель ценностно-коммуникативного мира как мо-

дель практической работы с макрохарактеристиками психологического потенциала человека. Она может выглядеть следующим образом:

А. *Нозетический уровень* – ценность духовной стресс-транс-формации (преображение, «рождение в духе»):

а) *метанойя* – преображенное, просветленное, благоговейное, вдохновенное принятие жизни и сопричастности универсуму;

б) *паранойя* – освежающая ценность стихии, время экстрима, болезненных преодолений формальных ограниченностей жизни, прорывов в свободное творчество;

с) *ортонойя* – ценность ясности, определенности и правильности сознания, чувств и разума;

д) *протонойя* – ценность чистоты, открытости, первородности, неповторимости впечатлений, образов, чувств.

В. *Уровень транскомуникативных переживаний* – пиковые душевные переживания как ценности:

а) *жажда инсайта* – хотя бы на уровне оргазма или чувства юмора;

б) *возможность экспрессии* – свободное экстенсивное самовыражение вплоть до экстаза;

с) *жажда впечатлений* – возможность импринтинга и острых ощущений;

д) *возможность катарсиса* – очищающий транс.

С. *Уровень коммуникативных ценностей*:

а) ценность *дружбы – любви* (в отношениях);

б) ценность *доверия* в диалогах;

с) ценность *понимания* в беседах;

д) ценность *встреч* в контактах.

Стоит подчеркнуть, что принцип иерархичности ценностей включает их обратную кумулятивность. Верхний уровень ценностей воплощается через остальные более простые, поэтому последние оказываются включенными в ценности более высокого порядка. Такое взаимопроникновение ценностей и образует их многомерную холярхию, противоположенную механистической расчлененности и элементарной дифференциации.

Постметодологическая перспектива исследований предполагает не только бесконечность неповторимых ценностных конфигураций каждого человека, но и аналогичную бесконечность возможностей концептуально-метафорической схематизации представлений об уникальных ценностных мирах людей (групп, культур), одной из которых является рассмотренная здесь схема. Из этого же обстоятельства вытекает и бесконечное разнообразие вариаций постметодологических стратегий исследования, даже если последние вытекают из единой теории, например теории коммуникативных миров и способов их моделирования [5]. Рассмотрим такую перспективу.

Исходным условием здесь является вовлечение респондентов в ситуацию самоанализа своего жиз-

ненного мира. Исследователь актуализирует у них ценность аутокоммуникации и ценность коммуникативного мира.

Основанием активности респондента является не столько «инструкция», сколько индукция свободно-го смысловотворчества:

1) сказать что-то о *проблемах*, темах, интересах, которые обсуждаются с собой и в своем круге общения;

2) сказать что-то о *партнерах*, с которыми обсуждаются указанные проблемы;

3) далее производится невербальное субъективное оценивание *интенсивности* переживаний и общения в обозначенных выше контекстах.

Стандартизировать такой материал не составляет большого труда. Так, уместающийся на одной странице и соотнесенный по всем названным аспектам, он даст множество невербальных показателей [5]. Однако важнее понимать основной ценностный вектор анализа смыслового пространства – времени коммуникативного мира. Он задается на первом этапе самоанализа каким-то определением исходной проблемной ситуации. Предполагается, что таких способов может быть великое множество. Я и мои коллеги применяли данную исследовательскую схему к анализу внутреннего мира личности, коммуникативного мира личности в семье, в компании, учебной группе или организации и т.п. Любое метавенностное основание может ориентировать внимание на различные ценностные субмиры. Так, мы получали специфическую информацию о субмирах студентов и их родителей, предлагая им следующее определение исходной ситуации: «Ради решения каких проблем и ради кого Вы готовы изыскивать и резервировать свои жизненные ресурсы?» Такая ситуация ориентирована на выявление метавенностей и метамотивации. Аналогично исследуются коммуникативные миры образования глазами студентов и преподавателей, где открываются реальные образовательные ценности, и т.д.

В постметодологической перспективе далее мы намерены переадресовать определение основного ценностного вектора коммуникативного мира самому субъекту этого мира, как бы доверить ему «чистый лист» или *дать полную свободу самотрансцендирования*. Этим самым мы получаем *постметодологическое расширение исследовательской ситуации*. Для достижения полной релевантности *ситуации и процесса* исследования в качестве вариантов можно предложить принципы организации «Группы встреч», «Группы экзистенциального опыта», «Практикума нозетического опыта» как собственно исследовательские. В то же время эти же принципы вполне осуществимы в тренинговых практиках, ориентированных на актуализацию и развитие психологического потенциала человека в различных профессиональных, социокультурных и межличностных контекстах.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.
2. Бенджамин Г. Основы самопознания, или Введение в эзотерическую психологию. Лондон, 1974.
3. Буркхарт Г. Возьми жизнь свои руки: Работа над собственной биографией. М.: EVIDENTIS, 2001. 248 с.
4. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М., 1998.
5. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскоммунитивный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М.: Смысл, 2005. 248 с.
6. Кабрин В.И. Ноэтическое измерение в психологии: новое и вечное // Сибирский психологический журнал. 2000. № 12. С. 23–28.
7. Кабрин В.И. Транскоммунитивная холодинамика психологического универсума личности (стресс-транс-формация) // Вестник Томского университета. Приложение № 2. 2000. С. 34–41.
8. Кабрин В.И. Транскоммунитивация и личностное развитие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. 256 с.
9. Коммуникативное измерение в психологической антропологии / Под науч. ред. В.И. Кабрина. Томск, 2007. 336 с.
10. Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология / Под общ. ред. А.А. Белика. М.: Смысл, 2001. 555 с.
11. Лурье С.В. Психологическая антропология: История, современное состояние, перспективы: Учеб. пособие для вузов. 2-е изд. М.: Академический Проект: Альма Матер, 2005. 624 с.
12. Мазилев В.А. Коммуникативная методология психологической науки: возможный путь интеграции психологического знания // Сибирский психологический журнал. 2006. № 24. С. 65–70.
13. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1997.
14. Мацумото Д. Психология и культура. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002. 416 с.
15. Пирс Ч. Биология трансцендентного. М., 2006.
16. Психологическая энциклопедия / Под ред. Р. Корсина, А. Ауэрбаха. М., 2003.
17. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Педагогика, 1976.
18. Уайт Дж. Просветление и иудейско-христианская традиция // Что такое просветление? Исследование цели духовного пути. М.: Изд-во трансперсональной психологии, 1996. С. 181–193.
19. Уилбер К. Интегральная психология. М.: Изд-во трансперсональной психологии: Изд-во К. Кравчука, 2004.
20. Уолш Р. Основания духовности: Семь главных практик для пробуждения сердца и ума / Р. Уолш; Пер. с англ. А. Киселева. М.: АСТ, 2004. 381 с.
21. Шутц У. Совершенная ясность: Основы жизненной философии / Пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр, 2004. 276 с.
22. Ялом И. Лечение от любви. Психотерапевтические новеллы. М.: Эксмо, 1994.
23. Ялом И. Мамочка и смысл жизни: Психотерапевтические истории / Пер. с англ. Е. Филиной. М.: Эксмо-Пресс, 2002.
24. Ялом И., Элкин Дж. Хроники исцеления: Психотерапевтические истории / Пер. с англ. С. Артемова. М.: Эксмо, 2005.
25. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.

NOETIC POTENTIAL OF MAN AS A PROSPECT OF ANTHROPOLOGICAL PSYCHOLOGY

V.I. Kabrin (Tomsk)

Summary. We herein consider the issue of self-determination in professional psychology. The work suggests development of nonreductive psychology on the basis of the notions of noetic communication, metanoia, value-communicative world, post-methodological scheme of research and practice.

Key words: noetic communication, metanoia, value-communicative world, post-methodology.